

УДК 94(571.150).084

ББК 63.3(2Рос-4Алт)63

Региональная власть и общество в послевоенные десятилетия СССР (на примере Алтайского края 1945–1985 гг.)

Е.М. Гостюшева, С.Г. Щеглов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Regional Power and the Society in the Postwar Decades of the USSR (on the Example of the Altai Region in 1945–1985)

E.M. Gostyusheva, S. G. Shcheglov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассмотрена общественно-политическая жизнь Алтайского края в послевоенный период. Основной акцент делается на формировании управленческих кадров региона и их взаимодействии с гражданским обществом. Авторы приходят к выводу, что в рамках унитарного государства центральный партийный аппарат строго регламентировал формирование региональной элиты. Основные требования центральных органов власти к взаимодействию с гражданским обществом: поддерживать и реализовывать политику компартии на местах. В целом население края проявляло лояльность к политике коммунистической партии. Официальная активность населения развивалась в рамках общественных организаций: общественные дружины, студенческие стройотряды, профсоюзные организации, спортивно-патриотические, литературные и художественные объединения и т.п. В то же время в крае отчетливо прослеживаются оппозиционные настроения. Прежде всего это агитация депортированных немцев Поволжья за создание автономной республики, которая эволюционирует от автономных идей до миграционных и наоборот. Отдаленность от центра дала импульс развитию на территории края религиозных объединений, в частности протестантских общин.

Ключевые слова: региональные органы власти, общественные настроения, история коммунистической партии.

DOI 10.14258/izvasu(2017)2-12

Вопросы формирования и деятельности региональной политической элиты, ее взаимоотношения с так называемым гражданским обществом в отечественной историографии смогли получить должное освещение только с началом перестройки, развитием гласности, ликвидацией идеологической монополии КПСС.

The article describes the socio-political life of the Altai territory in the postwar period. The main focus is on the formation of managerial personnel in the region and their interaction with the "civil" society. The authors come to the conclusion that in the framework of a unitary state, the Central party apparatus strictly regulated the formation of regional elites. The basic requirements of the Central authorities to cooperate with "civil" society are to uphold and implement the party's policy in the region. In general, the population showed loyalty to the policy of the Communist party. The official activity of the population was developed through public organizations: public teams, student construction brigades, trade unions, sports, patriotic, art and literary associations, etc. At the same time, the region had distinctly oppositional moods. First and foremost it is the agitation of the deported Volga Germans for the establishment of an Autonomous Republic, which originates from the autonomous ideas of migration and vice versa. The distance from the center gave impetus to the development of region, religious groups, particularly, Protestant communities.

Key words: country government, the public mood, the history of the Communist party.

Освободившись от идеологических установок, авторы только начинают создавать труды по общественно-политической истории послевоенного времени. В постсоветский период серьезное развитие получила региональная историография, это связано с расширением базы источников и появлением новых подходов к изучению истории советского периода.

С середины 90-х гг. XX в. появляются работы, посвященные формированию и деятельности властных структур, партийных лидеров, специфике идеологической и командно-бюрократической системы. Региональную специфику рассмотрели А.Б. Коновалов [1], В.В. Сорокин [2, 3], А.Н. Алексеев [4] и др.

Широко стала освещаться тема политических репрессий и реабилитации их жертв. Обостренный общественный интерес к проблеме способствовал обнародованию большого количества источников. Государственный архив Алтайского края издал 7-томник документов жертв, незаконно репрессированных по политическим мотивам с 1919 по 1965 г. [5]. Были опубликованы работы на эту тему, которые отличались определенной новизной в подходах к изучению политических кампаний первых послевоенных лет (Г.Е. Безруков [6], С.М. Демина [7], С.П. Волохов [8] и др.). Появляются исследования, посвященные другим политическим аспектам деятельности коммунистической партии, произведения, относящиеся к взаимоотношениям партии и творческой интеллигенции (С.П. Сизов [9]), партии и национальных групп края (В.И. Бруль [10], Л.В. Малиновский [11]), партии и молодежи (С.П. Волохов [12]).

Нами предпринимается попытка исследовать процессы трансформации советской политической системы Алтайского края во взаимосвязи с общественной жизнью и протестной активностью населения.

После победы в Великой Отечественной войне среди общественных настроений доминировала надежда на лучшую «мирную» жизнь. Война прошла через каждую советскую семью, оставив без отцов миллионы детей, сделав вдовами молодых женщин. Тяготы и лишения коснулись каждого, все общество находилось в постоянном движении: уезжали и возвращались из эвакуации, расставались надолго с родными и близкими, теряли или распродавали все нажитое до войны, чтобы как-то свести концы с концами, болели и голодали. Возвращение к мирной жизни не было легким для советских граждан. Желание просто пожить по-человечески было главным, определяющим настроением сразу после войны, и проблема перехода от войны к миру так или иначе стояла перед каждым человеком.

Война принесла не только разруху хозяйства, но и вызвала глубокие изменения в сознании и настроениях людей. Народ отдал для победы колоссальные физические и духовные силы, сбережения, десятки миллионов жизней, надеясь, что с миром придет и облегчение. Ожидание перемен помогало людям жить и надеяться.

Сложившаяся социально-экономическая ситуация поставила руководство страны перед дилеммой: либо — реформы, либо — возвращение к довоенному курсу. Строгая централизация власти в сравнении с довоенным периодом имела дополнительную причину: не-

обходимость быстрого восстановления разрушенной войной экономики и культуры.

18 августа 1945 г. появилось постановление ГКО № 9871с, по которому тысячи защитников Родины, не по своей воле оказавшиеся в плену и испытывавшие на чужбине страдания и унижения, на родной земле были встречены как преступники и отправлены вновь в лагерь. В феврале 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ, по которому отправлялись в ссылку те, кто уже отбыл ранее определенное ему наказание по ст. 58 УК и был освобожден после окончания войны. Планомерно, реализуя курс на централизацию, фабрикуются в 1949 г. «Ленинградское дело», в 1951 г. — «Мингрельское дело» и дело «Еврейского антифашистского комитета», в 1952 г. — «Дело врачей».

Высшая партийная номенклатура жестко контролировала практически все сферы деятельности общества, действуя в большинстве случаев по принципу «разрешено все то, что приказано». Была создана многоканальная система контроля за деятельностью краевых, областных партийно-советских органов. Был выстроен жесткий порядок соподчинения высшей и региональной номенклатуры. Воспитанная на страхе массовых репрессий когорта первых секретарей обкомов и крайкомов партии в послевоенные годы не стремилась к проявлению каких-либо политических инициатив. Фабрикация «Ленинградского дела», по которому были привлечены региональные руководители, стала предостережением для тех, кто старался активизировать защиту интересов провинции.

Высшая партийная номенклатура во главе со Сталиным давала понять, что круг полномочий первых секретарей не должен выходить за пределы реализации текущих планов социально-экономического развития региона. Важнейшей чертой региональной политики всего послевоенного периода было требование не просто поддержать внутри- и внешнеполитический курс руководства партии, но и провести подобные разоблачения на местном уровне. Глав краев и областей постоянно перебрасывали из одного региона в другой, опасаясь как бы руководители слишком прочно не «приросли» к одному региону и не «обросли» большим числом соратников и единомышленников [1, с. 21].

Первым секретарем Алтайского крайкома партии с 1943 г. был Николай Ильич Беляев, переведенный в Алтайский край из Новосибирской области с должности первого заместителя председателя облисполкома. Пытаясь связать «дело» врачей с общественно-политической ситуацией, партийные инстанции в крае пошли уже по проторенному пути поиска и наказания лиц с «сомнительной политической репутацией». Однако после прокатившихся по стране тотальных репрессивных процессов выявить новых явных «врагов» советского строя было нелегко. Поэтому обратились к лицам, ранее осужденным за «контрреволюцион-

ную» деятельность, а также детям бывших кулаков, торговцев, священнослужителей и других, родители которых были репрессированы советской властью [6, с. 7].

Репрессиям подверглись служители церкви и особенно сектанты. В феврале 1949 г. были арестованы работники котельного и вагоноремонтного заводов (И.Н. Оробей, В.Е. Бутылев, Я.В. Тарасов, С.П. Пиджаков и др.). Их обвинили в организации «антисоветской нелегальной секты пятидесятников». Крайсуд приговорил Оробей, Тарасова, Мячину, Пиджакова и Личкоту к 25 годам, а Бутылева, Кулабухову и Толстикovu к 10 годам лишения свободы [6, с. 8].

В октябре 1952 г. было заведено дело первым следственным комитетом УМГБ по Алтайскому краю, согласно которому в Михайловском, Славгородском и Знаменском районах Алтайского края «сектанты меннониты из числа немцев, организационно оформившись в антисоветские нелегальные группы, проводят активную антисоветскую сектантскую деятельность» [6, с. 8]. В 1952 г. Алтайский крайсуд приговорил 16 из них по ст. 58-10 ч. 2 и ст. 58-11 УК к 25 годам лишения свободы. Это были рабочие и колхозники из Барнаула, Рубцовска и Рубцовского района [6, с. 10]. В мае 1953 г. по такому же обвинению осудили еще 14 сектантов из Рубцовска и Рубцовского района. В основном это были молодые люди от 19 до 25 лет. Всех приговорили к 25 годам лишения свободы [6, с. 8].

Под постоянным бдительным надзором находились спецпереселенцы, преимущественно немцы, депортированные на Алтай из Поволжья в 1941 г. В крае было расселено 20729 семей немцев-спецпереселенцев — 73350 человек, 6308 семей калмыков, переселенных в основном из бывшей Калмыцкой АССР — 18151 человек [6, с. 7]. Выступая на словах за всестороннее развитие народов, расцвет наций в практической политике Сталин стремился к упрощению национальной структуры страны, к созданию централизованного, унитарного государства.

Депортированные в Алтайский край немцы и калмыки жили надеждой на возвращение в родные места. Разговоры об этом, особенно агитация за восстановление республики немцев Поволжья, расценивались как антисоветские. Эмигрантские настроения немцев сменялись настроениями создания немецкой автономии. Автономистское движение немцев в крае было тесно связано с первой немецкой послевоенной газетой «Арбайт», которая становится рупором для выражения надежд немецкого населения, выдвигая перед партийно-государственными органами актуальные вопросы: о национальной школе, показе кинофильмов на родном языке и т.п. Тайно журналисты дополнительно издавали и распространяли материалы о восстановлении автономии. О деятельности «подпольных автономистов» становится известно мест-

ным органам госбезопасности, и издание газеты было прекращено [8, 19].

Антисемитский оттенок «дела врачей» не оставался без внимания организаторов пропагандистско-репрессивных акций в Алтайском крае. К тому же совсем недавно прошла кампания против «космополитизма» и преклонения перед «иностраниной», имевшая явную антисемитскую направленность. В разгар борьбы с «космополитизмом» по всей стране проходят собрания деятелей литературы и искусства, на которых осуждались отдельные авторы (как правило, евреи), которые обвинялись в «недостатке патриотизма» и «преклонении перед Западом». Эта участь не прошла мимо известного алтайского поэта, прозаика и драматурга Марка Юдалевича. Во второй половине 1940-х гг. молодой журналист заведовал отделом культуры и быта газеты «Алтайская правда», а 1 апреля 1949 г. с формулировкой: «За грубые политические ошибки, систематическое искривление линии партии» был уволен. Только вмешательство К. Симонова и первого заместителя заведующего международного отдела ЦК ВКП(б) Б.Н. Пономарева позволили ему заниматься литературной деятельностью в молодежной газете «Сталинская смена» [9, с. 72].

В Алтайском крае, где безоговорочно реализовалась политика центра в борьбе с космополитизмом, стала остро ощущаться кадровая проблема. В конце января 1953 г. секретарь Алтайского краевого комитета партии Н.И. Беляев просит уже ЦК КПСС обязать Министерство автомобильно-тракторной промышленности, Министерство тяжелого машиностроения и Министерство транспортного машиностроения оказать необходимую помощь тракторному, котельному и вагоностроительному заводам кадрами инженерно-технических работников, чтобы «освободить от работы» на этих предприятиях «политически неблагонадежных людей» [7, с. 362], так как по данным партийных органов на крупнейших предприятиях края среди инженерно-технических работников наблюдалась «значительная концентрация лиц еврейской национальности»: на Алтайском тракторном заводе «на руководящей работе» трудилось 293, а на Барнаульском котельном — 65 евреев, на Алтайском вагоностроительном заводе из 53 «отвработников» 17 человек не внушали политического доверия [7, с. 363]. Прорабатывались и руководители, допускавшие «засорение кадров».

В течение 1945–1946 гг. в партийной организации края темпы сменяемости превысили показатели военного времени. В 1946 г. было арестовано 89 «врагов народа» из числа партработников. В 1951 г. было освобождено от занимаемой должности 2096 человек, или 23,7% от всех руководящих кадров номенклатуры крайкома, горкомов, райкомов партии, но уже с формулировкой «как не справившихся с работой» [1, с. 23]. Тон формулировок менялся, но суть оставалась прежней.

Период десталинизации стал результатом отложенных ожиданий первых послевоенных лет, особенно в части реализации социальных программ и политической либерализации. Такие процессы, правда, носили непоследовательный, противоречивый характер, что нашло отражение в образной характеристике периода правления Н.С. Хрущева как не «половодья», а всего лишь «оттепели».

В формировании региональной партийной номенклатуры в первые годы руководства Н.С. Хрущев подходит крайне осторожно. Лишь в 1955 г. происходит замена целого ряда руководителей сибирских регионов, которые пришли к власти еще при жизни Сталина. Первому секретарю Алтайского крайкома партии Н.И. Беляеву, учитывая его успехи по восстановлению и развитию экономики на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в послевоенный период, по освоению целинных и залежных земель в крае, предложили переехать в Москву и занять пост секретаря ЦК КПСС. Пост первого секретаря Алтайского крайкома партии он передает своему второму номеру К.Г. Пысину.

С приходом к власти Хрущева ставка была сделана на применение научно-технического прогресса в народном хозяйстве страны. И каждому региону приходилось поспевать за далеко идущими планами Никиты Сергеевича. Село оставалось универсальным полигоном постоянных преобразований. Константин Георгиевич Пысин был переведен в край из Пермской области, где возглавлял кафедру биологии Пермского университета. Для послевоенного времени ученый на ответственном политическом посту — явление редкое. Весной 1961 г. Хрущев предпринимает длительную поездку по целинным районам страны. Результатами работы Алтайского крайкома партии генеральный секретарь был очень доволен. Пысину было предложено перейти на должность министра сельского хозяйства СССР. В результате переезда К.Г. Пысина в Москву пленум краевого комитета партии 18 марта 1961 г. первым секретарем избрал А.В. Георгиева [2, с. 181].

Процесс демократизации советского общества в регионах получил импульс благодаря XX съезду КПСС и главным образом докладу Н.С. Хрущева «О культе личности». Доклад вызвал противоречивую реакцию в стране. В Тбилиси прошли демонстрации протеста, многие отказались верить в подлинность фактов и выводов доклада. Однако в обществе зрели определенные надежды на изменения, и люди стали более открыто высказывать свое мнение, часто отличающееся от официальной интерпретации тех или иных событий истории страны. Некоторые не поняли и не одобряли кардинальную смену оценки личности и деятельности Сталина, от прославления и почти обожествления до развенчания и обвинения в преступлениях. Другие были недовольны половин-

чатым решением съезда, который осудил только незаконные и необоснованные репрессии по политическим мотивам, не указав, что необходимо изменить в самой системе власти, чтобы подобное стало невозможным в будущем. Все это находило выражение в дискуссиях и спорах, создании кружков и групп, нередко полулегальных. Российская молодежь, воспитанная на подвиге военного поколения, грезилась борьбой за осуществление значимой идеи. В обществе происходит заметное раскрепощение умов, зарождаются и начинают проявлять себя элементы инакомыслия, растет неформальная политическая активность.

Реакция на подобное вольнодумство не замедлила последовать. Если первые после XX съезда партийные преследования носили точечный и преимущественно внесудебный характер, то после осенних событий в Польше и Венгрии 1956 г. взгляд высшего партийного руководства на осуществление репрессивной политики начинает меняться. Уже в декабре 1956 г. ЦК КПСС направил в партийные организации закрытое письмо «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов», в котором призывал усилить работу в указанном направлении. В регионах идут два взаимоисключающих процесса, первый — освобождение многих ранее репрессированных, второй — новые репрессии, так как органы государственной безопасности по-прежнему продолжали бдительно следить за умонастроениями граждан и немолимо карали за малейшие отклонения от официально признанных оценок как прошлой, так и настоящей истории страны, партии и отдельных личностей, особенно, если эти оценки касались действующих руководителей партии и правительства.

Электрик Пospelихинской МТС Г.Д. Стружко, прослушав на собрании письмо ЦК КПСС о культе личности Сталина, стал в разговорах с окружающими называть Сталина душегубом, считал его виноватым в том, что в 1933 г. от голода погибли миллионы людей. Он обвинил Хрущева и других руководителей, работавших вместе со Сталиным, в том, что они при жизни Сталина боялись сказать ему правду, осудить репрессии, политику в отношении крестьянства. Все это и стало причиной для обвинения Стружко в антисоветской агитации. Алтайский краевой суд в апреле 1957 г. приговорил его к пяти годам лишения свободы. Шофер пищекомбината из Кулунды Г.С. Бяков в 1959 г. стал делать на газетах надписи, в которых давал комментарии к некоторым помещенным в них материалам. Так, например, писал, что Хрущев много болтает, обещает хорошую жизнь, а в магазинах ничего нет. Эти газеты со своими комментариями он по почте отправил в адрес профкома одного московского завода. Аноним был быстро установлен, лишен свободы и сослан на 5 лет [6, с. 12]. В начале октября 1963 г. в студии телевидения работ-

ник краевого управления КГБ провел беседу о повышении бдительности, в ходе которой назвал и фамилию бывшего осветителя студии В.А. Анохина как человека, допускавшего антисоветские высказывания, и предупреждал о недопустимости подобно-го впредь. На допросе Анохин изложил свои взгляды, обвинил руководителей партии и правительства в том, что они довели Россию до нищеты, отправляют продовольствие друзьям за рубеж, а народ голодает. Учитывая молодость Анохина и признание своих прежних взглядов ошибочными, Алтайский краевой суд 15 февраля 1964 г. приговорил его к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК с усиленным режимом [6, с. 12].

Краевыми органами удалось установить в это время несколько групп граждан, объединенных деятельными установками на улучшение жизни народа. Одни имели политизированный облик в рамках неортодоксального художественного творчества («Умыслопогасло», Барнаул, 1958–1959 гг.), другие выступали за устранение от власти действующего партийно-государственного руководства («Союз новых коммунистов», Камень-на-Оби, 1962 г. и «Окружной комитет Российской партии народного равенства», Бийск, 1959 г.) [12, с. 379]. Внешние перемены, преподносимые средствами массовой информации как демократические, на практике носили декоративный характер.

После отставки Хрущева новое партийно-государственное руководство страны изменило требования к деятельности партийных и хозяйственных органов на местах. Л.И. Брежнев считал кадровую стабильность большим достижением государственной системы управления. Положение региональных политических лидеров постепенно упрочивается. Несмотря на возобладание тенденции централизации управления экономикой, отношения между высшим и провинциальным руководством КПСС строились на принципах доверия к лидерам краев и областей. Со второй половины 60-х гг. запускается в действие особая форма политического контракта между Центром и региональными властями, сутью которых стала политика невмешательства Центра в права и полномочия регионов, если те, в свою очередь, соблюдали правила политического поведения и лояльность Центру.

Во второй половине 1960–1980-х гг. была предложена линия на выдвижение в партийный аппарат специалистов-практиков с производства, имевших высшее образование и опыт хозяйственно-политической работы. С конца 1960-х гг. получила распространение установка на снижение сменяемости кадров и формирование карьеры партийных работников путем должностного продвижения. Сходит на нет модель переброски первых секретарей крайкомов и обкомов партии по географическому принципу «из региона в регион», «из центра в регион». Возобладает тенденция формирования когорты региональных лидеров

из среды местных руководителей. Резерв кадров заботливо выращивали и постепенно двигали по линиям: партийный аппарат — советские органы — высшая партийная школа — партийные органы.

Должность первого секретаря Алтайского крайкома партии с 1976 г. занимает Николай Федорович Аксенов. Кандидатуру одобрил лично Брежнев (главы краев и областей входили в личную номенклатуру Генерального секретаря) с ремаркой: «Смотри, кадры не разгоняй» [3, с. 32]. Профессиональная судьба Н.Ф. Аксенова напоминала судьбу и карьеру его предшественника. Аксенов часто ездил по краю и ввел неписанное правило, чтобы крайкомовцы не реже раза в месяц выезжали в районы и города края для изучения обстановки и встречи с жителями. Либеральный стиль управления первого секретаря значительно отличался от стиля его предшественников. Он предоставлял максимальную возможность действий низовым секретарям парторганизаций. Говорил им: «Вы отвечаете за район, вы там хозяева, вам мешать никто не будет, делайте, что посчитаете нужным, но отвечать за ошибку будете в первую очередь» [3, с. 45].

Особенностью общественно-политической жизни 1960–80-х гг. явились хрущевские начинания в воплощении ленинского курса на всестороннее развертывание социалистической демократии и привлечение трудящихся к активному участию в управлении государством. Одним из вариантов привлечения граждан к руководству хозяйством и культурным строительством, управлению общественными делами в стране стали самодеятельные организации. Рабочие, колхозники, служащие, пенсионеры, домашние хозяйки края участвовали в работе различных дружин, нештатных отделов, общественных инспекций, комитетов и комиссий. В крае добровольные народные дружины 1959–1961 гг. охватили около 70 тысяч человек, в 1978 г. эта цифра составила уже 117397, в 1980 — 133143 человека [13, с. 19]. Ежедневно на улицах городов, сел и поселков края ходили народные дружины, охраняли общественный порядок, вели борьбу с хулиганством, самогоноварением, разъясняли правила социалистического общежития. Общественные автоинспекции в конце 1950-х гг. насчитывали 6000 человек, а в 1980 г. — 8957 членов специализированных ДНД и 1699 внештатных сотрудника ГАИ [13, с. 21].

В целях улучшения торговли и общественного питания в городах и селах Советы депутатов трудящихся совместно с профсоюзами создавали комиссии общественного контроля, лавочные, столовые комиссии. В Алтайском крае в 1960 г. работало свыше 2,5 тыс. общественных инспекторов и контролеров. На предприятиях рабочие в заводских столовых контролировали состояние меню, калькуляцию, норму закладки в котел продуктов, качество блюд [13, с. 20].

Общая либерализация в стране привела к возникновению студенческих строительных отрядов

как мощного стержня формирования в молодежной среде чувства патриотизма. В 1970–1980-е гг. наиболее отчетливо проявилась линия на привлечение молодежи к реализации экономической политики КПСС. Самоуправление являлось неотъемлемым элементом движения за коммунистическое отношение к труду. Построение коммунистического общества, которое предполагало широкое самоуправление народа во всех сферах общественной жизни, в большей степени должно было реализоваться в студенческой среде. Студенческие строительные отряды (ССО) являлись школой коммунистического воспитания студенческой и учащейся молодежи, предусматривая сочетание трудового, идейно-политического и нравственного воспитания. В трудовом семестре 1965 г. участвовали 760 студентов Алтайского политехнического (АПИ), медицинского (АГМИ), Бийского и Барнаульского педагогических институтов, учащиеся Барнаульского строительного техникума. А уже в 1968 г. краевой отряд «Алтай» имел численность 2878 человек. С 1971 по 1974 г. численность краевого ССО «Алтай» возросла с 5330 до 7096 человек [14, с. 264, 265].

К середине 1960-х гг. политическая активность в регионе заметно снижается. Порождавший протесты импульс инициативности, данный «оттепелью», начинает приглушаться волной консерватизма. За период 1965–1985 гг. в целом по стране и региону было возбуждено в три раза меньше дел, чем за все хрущевское десятилетие [8, с. 6]. С середины 1960-х гг. акцент в борьбе с инакомыслием переместился от наказания по факту «антисоветского деяния» в сторону его предупреждения.

Несмотря на внешнее общественно-политическое благополучие, по-прежнему в крае оставался нерешенным вопрос спецпереселенцев. Новое руководство страны, находясь в плену представлений о полном и бесповоротном решении национального вопроса, в целом не собиралось коренным образом менять ситуацию в национальных отношениях. 29 августа 1964 г. выходит указ «О внесении изменений в указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г.». Этот указ отменял огульные обвинения в предательстве и шпионаже немецкого населения бывшей АССР немцев Поволжья. Этот указ дал надежду тысячам немцев вернуться на родину. Осенью 1964 г. «автономисты» опять активизировали свою деятельность и выдвинули идею направить в Москву делегацию от Казахстана, Урала и Сибири с письмом-прошением о восстановлении АССР Немцев Поволжья. Тем более, что к этому времени Верховный Совет РСФСР восстановил Чечено-Ингушскую АССР, Калмыцкую АО и др. В восстановлении автономии немецкой делегации было отказано, так как место на Волге занято, а отъезд немцев из Сибири, Казахстана и Урала отразится дефицитом квалифицированных кадров в промышленности и сельском хозяйстве регионов.

Надо отметить, что в целом ЦК КПСС очень негативно относилось к «автономистским» идеям. Так, в 1960 г. был освобожден от должности первый секретарь Горно-Алтайского обкома КПСС Н.М. Киселев, который инициировал процесс обособления автономной области от Алтайского края.

Однако в решении проблем депортированных немцев Поволжья наметилась и позитивная тенденция. С потеплением международных отношений советское руководство пошло на расширение «эмиграционного окна», и в 1970-е гг. «автономистские» настроения немецких спецпереселенцев сменяются эмиграционными. Только в 1977 г. в Алтайском крае было принято и рассмотрено 418 просьб на выезд [11, с. 23]. Рост эмиграционных настроений обеспокоил советское руководство, и 31 мая 1979 г. Политбюро ЦК КПСС издает постановление «Об образовании Немецкой автономной республики». Будущую автономию предполагалось создать на основе Карагандинской, Кокчетавской, Павлодарской и Целиноградской областей с центром в городе Ерментау [8, с. 19]. Но практическая реализация постановления наткнулась на протесты местного коренного населения, что привело к массовым беспорядкам в Целинограде и других городах. Неудача, постигшая проект, отозвалась в среде немецкого населения ростом пессимистических настроений в отношении возможного восстановления автономии.

Важнейшим следствием хрущевской либерализации становятся резкое возрастание в обществе критического потенциала, формирование элементов гражданского общества. В стране образуются и заявляют о себе различные течения, неформальные общественные объединения, оформляется и крепнет общественное мнение.

К середине 80-х гг. протестная активность начинает терять прежний политизированный акцент, все больше приобретая черты поведенческого нонконформизма. Это проявляется в отходе от советских норм морали и нравственности, проникновение в быт советских людей отдельных элементов образа жизни западного общества: потрепано-порванная одежда, выбритые виски, проколотые уши, выкрашенные волосы у парней.

Некоторые представители молодого поколения в своем «бунте» против традиционной морали, доходя до крайности, посягают на память о Великой Отечественной войне. В Барнауле 20 апреля 1983 г. по случаю рождения Гитлера прошли демонстрацией в вечернее время по улицам города молодые люди с нарисованными на одежде знаками отличия фашистской армии.

Рассматривая в целом советский послевоенный доперестроечный период, следует отметить, что в рамках унитарного государства деятельность краевых политических органов не выходила за рамки хозяйственно-экономических дел своего региона. Оказались не вос-

требованы инициативные руководители. Брежневский курс на стабильность и укрепление властной вертикали свел к минимуму кадровые перестановки в центральном аппарате и регионах. Основными требованиями центральных органов власти во взаимодействии с обществом — поддерживать и реализовывать политику партии на местах. Население края в ожидании лучшей жизни, жизни при коммунизме, очень чув-

ко реагировало на прокламации партийных органов. Но географическая отдаленность от центральных регионов сказывалась отдаленностью от концентрированных социокультурных инициатив, что определяло невысокую степень политической активности местных жителей. В целом население края в своем подавляющем большинстве в послевоенный советский период выражало доверие и поддержку власти.

Библиографический список

1. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). — Кемерово, 2006.
2. Сорокин В.В. Последний в когорте «железных» вождей. — Барнаул, 1998.
3. Сорокин В.В. Аксенов: десять ликов времени. — Барнаул, 2001.
4. Алексеенко И.А. Региональная политическая элита Алтайского края 1960–1991 гг. : автореф. дис... канд. ист. наук. — Барнаул, 2010.
5. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. — Барнаул, 1998–2005. — Т. 1–7.
6. Безруков Г.Н. Предисловие // Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. — Барнаул, 2004.
7. Демина С.М. «Дело врачей»: региональный уровень // История Алтайского края, XVII–XX вв. — Барнаул, 2002.
8. Волохов С.П. Социально-политические протесты середины 1950-х — середины 1980-х гг.: на материалах Алтайского края, Новосибирской и Томской областей : автореф. дис... канд. ист. наук. — Барнаул, 2002.
9. Сизов С.Г. Интеллигенция и власть в советском обществе в 1946–64 гг. — Омск, 2001. — Ч. 1–2.
10. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. — Топчиха, 1995.
11. Малиновский Л.В. История немцев Алтая. — Барнаул, 1992.
12. Волохов С.П. Молодежь и власть в годы «оттепели»: тенденции конфронтации (по материалам региональной истории) // История Алтайского края, XVII–XX вв. — Барнаул, 2002.
13. Подлепич А.Ф. Местные Советы и общественные самодеятельные организации. — Барнаул, 1961.
14. Яровикова В.А. Безвозмездная деятельность студенческих отрядов Алтайского края (1950–1970 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. — 2015. — №4/2(88). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-46.